

Пётр Давыдов

Нерентабельные христиане

Рассказы о русской глубинке

Москва • «Никея» • 2021

Содержание

<i>Петр Давыдов. Вместо вступления</i>	7
--	---

ЧАСТЬ 1

Незатейливые истории о жителях русской глубинки

Джекпот и балерина	39
Не все коту «Лествица»	43
Оккупанты	48
Пашка-енот	52
Тавифа и врата Господни	55
Гоша. Быль	61
Охота без дураков	65
Как я стал таллинистом	71
Скобарская непонятливость	74
Как младший Христа поздравил	79
Фаина Огурцова	82
Математика для земноводных и прочих рептилий	93
Как отец Константин не читал нам мораль	96
Захолустье	99
Монашеский мятеж и Пашкин синяк	102
Слободан Лютый и кот Полканъ	106
Жаль, что карантин закончился: люди уезжают. Хорошие!	110

ЧАСТЬ 2

Русские и нерусские на Русском Севере *Удивительные рассказы удивительных людей*

Как увидеть «згу» — поморские правила.....	117
Очень нерентабельные христиане	121
«Чего-чего, а обиды нет...»	
Уроки немецкого из Пинеги	128
Гром, грабли, мужики	135
Уроки от Бурхановича с Верхнекамья	148
Зачем американцу узик	153

Петр Давыдов
Вместо вступления

Живи, русская деревня!

Похоже, сейчас, благодаря всяким кризисам, пандемиям и прочим испытаниям, мы становимся свидетелями, а очень многие и участниками доброго явления: люди вдруг вспомнили, что в России, помимо мегаполисов, непонятных моногородов с их странной лексикой и абсолютно одинаковой интонацией, есть, оказывается, деревня. Недоубитое массовым исходом, перестройкой, укрупнением, коллективизацией, оптимизацией село. И оно, село, оказывается, не просто продолжает жить, хоть и скромно, но еще и кормить все эти города. Отмечают и еще одну особенность, с желудком не связанную: вдали от суеты и агрессии живетсЯ почему-то спокойно. В одну какую-нибудь питерскую новостройку на окраине легко влезет штук десять деревень, но жители этой новостройки никогда не будут в состоянии относиться друг к другу так, как это было бы, живи они в естественной среде обитания, а не будучи рассованными в человеко-капсулы, да еще и купленные за невероятные деньги. Нет больше достоинства настоящего хозяина — дома, земли, двора, вот этой вот церквушки, реки, бора. И веди себя в этом моем большом мире, мил человек, так, чтобы мне за тебя не пришлось стыдиться. Сейчас же мой капсульный мир сузился до лифта-подъезда-троллейбуса-метро-работы (точнее, офиса)-магазина (точнее, «маркета»)- «сссьте» сквозь зубы со взглядом в сторону, а еще панической выплаты кредитов. Так себе широта русской души, если честно.

И тут у кого-то возникает протест: хочу на волю. Желаю, понимаете, жить в своем собственном доме, пусть не в дворце, но своем, где я — хозяин. Дышать хочу свежим воздухом, смотреть людям прямо в глаза, говорить на «о», и пусть смеются. Желаю быть хозяином и не вжимать голову в плечи при виде очередного чувака на «мазерати». Хочу поедать свою картошку, свой лук-чеснок, а не бурду «made in China» или еще из какой достойной страны. В баню хочу, в конце концов, и чтоб не звонить за пару дней — заказывать сауну на часик!

А еще хочу молиться. Молиться так, чтобы, учась видеть красоту созданного мира, учиться благодарить и его Создателя. Его — и моего Создателя. Насчет красоты — так это только уметь смотреть надо: оглянись просто, присмотришься чуть внимательнее, и вряд ли ты, единожды осознанно тут, в настоящей-то России, побывавший, когда-нибудь забудешь это чувство — добрая такая оторопь, восторг и тихая, светлая радость.

Нашей семье очень помогли в осознании такой радости отец Алексей Новиков и его семья. Встречи, беседы с ними в тверской деревушке, куда они переехали из Питера, убедили нас, старших, и наших детей среди прочего и в том, что жизнь в настоящей, назовем ее «окающей», России — это не «разбалованные выезды на природу», не прекраснотушные и довольно глупые мечтания, не романтические вздохи. Но это и не злобное, какое-то черное рабство земле, непонятным обычаям, постоянному и жадному поиску, чего бы взять, мол, в хозяйстве пригодится. Нет уж, общаясь с Новиковыми, мы поняли: если Бог на главном месте в твоей душе, то все остальное Он расставляет очень даже правильно и разумно, именно на полагающиеся этому места. Как говорят у них там, в Юханово, «это дело Богово». Правда, не окают,

но мы, вологодские, не ревнуем. Помню нашу первую беседу, я тогда пристал к бабушке с «городскими» вопросами: а чего это он, весь из себя питерский интеллигент, тут оказался, и чего это даже уехать отсюда, из самой что ни на есть глубинки, даже мысли не допускает? На романтику потянуло? Он улыбнулся: «Не из-за романтики — из-за красоты». Потом рассказал (надеюсь, что ответ этот поможет избежать разочарования желающим перебраться из города в деревню):

— Помогла привыкнуть, прежде всего, постепенность. Не надо ничего ломать и потом на обломках строить непонятно что. Начнем с того, что деревенская жизнь подходит совсем не каждому горожанину. Меня, как и мою супругу (единодушие в этом очень важно!), давно манило на «волю». Мы часто выезжали за город с детьми, потом сняли дачу в 150 километрах от Питера. Туда можно было приезжать круглый год, а не только в отпуск. Это была маленькая времяночка, мы еле помещались там, но она имела два огромных преимущества: была отдельной, автономной от хозяйки и теплой (это был сруб с небольшой, но очень эффективной печью). Круглый год — в выходные, в праздники, в каникулы, в отпуск — мы, не раздумывая, как потратить время, мчались на электричке прочь от города. Оговорюсь: негативного отношения к городу как к явлению у меня нет, более того, я Питер люблю, это настоящее сердце России, настоящий европейский город, Лондону до него далеко. Восемь лет эта времяночка была приютом счастливой семьи. Там наши дети научились топить печку, разводить костер с одной спички, готовить на костре. Там поймали они первых окуньков, а потом и настоящих щук. Там впервые увидели ландышевые поляны и волчье лыко, самостоятельно собрали первую кружечку черники и нашли первые в жизни боровики

(сбор грибов, «тихая охота», и по сей день — любимое занятие всей семьи). Научились ориентироваться в лесу без компаса, различать диких зверей и птиц, не говоря уже о домашних животных, общения с которыми в детстве ничем не заменить; получили первые знания по огородничеству, садоводству и пчеловодству. Полюбили лес, поле, реку, озеро, незабудки в сырой канаве и крик коростеля в некошенной траве. Во времянке мы только ночевали, особенно в теплое время года, да заготовки из грибов и ягод делали.

Все это время крепло желание иметь свой дом. Господь так устроил, что дом у нас таки появился, но уже в 500 (по самой короткой дороге) километрах от Питера. Скажете: на выходные не поедешь. Да, но мы стали ездить не только в отпуск, но и на «новогодние» и на «майские» выходные, в общем — при любой возможности.

Когда решался вопрос о покупке дома так далеко от Питера (машины у нас не было), было много сомнений, терзаний, «за» и «против». Перевесили «за»! Мы решили: максимум, что мы потеряем, это деньги на покупку. Важно было и то, что в двух километрах ходьбы в соседней деревне была действующая церковь, прихожанами которой мы и стали сразу после первого приезда.

Никогда не забуду ни с чем не сравнимое чувство хозяина, которое у меня до того отсутствовало или было в зачаточном состоянии. Теперь у нас был СВОЙ дом. Свой храм. Свой огород. Свой сад. Своя земля. Свой пруд. Своя речка с форелью (мы брали из нее воду для питья, колодца поначалу не было). Своя деревня. Свой лес. Свои соседи. После городского муравейника все это было просто фантастикой, ставшей желанной реальностью!

Вы, наверное, уже поняли, что, несмотря на всю любовь к закатам и восходам, к запаху картошки из русской печки, мы вживались в эту хоть и желанную, но новую, неведомую для нас реальность очень постепенно, осторожно, и это оградило нас от разочарований. Перед глазами немало примеров, когда человек хочет сразу много (заводит корову, лошадь, коз, кур, кроликов и т. д., распахивает гектары) — и терпит фиаско. Я — за постепенность. В деревне было и есть и пьянство, и матерщина, но нас это не пугало, мы к тому времени были уже «тертые калачи».

Еще один момент. Городскому человеку свойственна пусть хоть и подсознательная, но надменность по отношению к деревенскому. Чему вы тут можете нас научить, «сельские лапти»? Сами, мол, все знаем, справимся, в интернете прочитаем. Общение с коренными жителями (назовем их «местными»), особенно с пожилыми людьми, использование их опыта — незаменимо. Так сложилось, что мне всегда шли навстречу. Никогда не стеснялся спросить, признать свое невежество, «фильтровал» информацию, что-то прибавлял своего и получал результат. Действуя вслепую, можно столько шишек набить, что вся романтика померкнет.

И еще. Мы не старались стать своими. Нас долго называли дачниками, но это было не обидно. Мы не мимикрировали, не подделывались под окружающих, оставались самими собой. Такими нас деревня и приняла.

Принципиально я не против жизни в городе. Спасаться можно где угодно, хоть в горах, хоть в городах. Поэтому преимущества моей деревенской жизни — личного плана. Мне, когда я приехал выбирать дом, сразу здесь понравилось. Как-то сердце легло. И со

временем это благодатное чувство только окрепло. Последние годы город меня стал ощутимо тяготить; может быть, молодость прошла, зрелость наступила... Каждый из нас так или иначе ищет, где «лучше», «глубже», а у меня получилось еще и «дальше». Дальше от мегаполиса. Позже я понял, что отчетливое влияние большого города перестает ощущаться, когда отдалишься от него не менее чем на 500 верст.

Наша округа признана самым чистым уголком всей Европы. Здесь нет отравляющих жизнь факторов: промышленности, транспорта, минеральных удобрений, пестицидов и т. п. Кстати, узнал об этом, уже когда хорошо обжились. Обрадовался, конечно! Уже говорил, что воду из реки пили. А мой сосед всю жизнь ее пил и по сей день пьет, без колодца обходится. Говорит так: «Мне не напиться, пока воды со Свирицы не попью».

У нас нет пляжей, горных вершин, водопадов и т. п., но наша округа невероятно, фантастически красива! Красота эта доступна, думаю, не каждому. Она очень неброская, тихая и какая-то очень русская. У нас очень четко выражены все четыре времени года, несмотря на изменения климата.

Явное для нас преимущество — крайне низкая плотность населения. Сам по себе факт плачевный, но желающим удалиться от «круговерти», побыть в тишине, наедине с самим собой, с Богом это на руку. В нашей деревне, например, сейчас всего пять жилых домов, а растянута она вдоль дороги на два километра! Если нет желания, можно неделями никого не видеть и не слышать. Бывает, до райцентра проедешь 45 км и ни одной машины не встретишь. Мы до сих пор не запираем двери, когда уходим из дому. Можно просто палочку снаружи приставить, значит — «меня нет дома».

На первых порах своего служения я, как и полага-
ется, думал, что мало людей приходит из-за того, что
я плохой. По пословице: «Каков поп, таков и приход». Но
потом сомнения меня оставили. Суть поговорки
верна, но она — в другом, не в числе, а в образе мыс-
ли, поведения.

Один деревенский пастырь возглашал: «Мир
всем!» И добавлял: «И тебе, Егоровна!» — так как,
кроме Егоровны, больше никого в церкви не было.

Грустная особенность: на нашем приходе почти
нет молодежи. Возможно, причина тому свойствен-
ная молодым людям легкомысленность, возможно —
отсутствие рабочих мест, но, думаю, дело и в нас — не
можем ключика подобрать к юношам и девушкам, не
можем зажечь в них огонек веры...

И еще: в городе священнику его прихожане вряд
ли благословят банку молока или десяточек яиц. У нас
это бывает!

Город, когда он принимает приезжего человека,
распыляет его на атомы. Когда человека принимает
деревня, она его не только оставляет целым, но зача-
стую и исцеляет его.

Вспоминаю: стал священником, только что вер-
нулся в деревню, май месяц, почти лето, длинные
дни, куча дел... А жил я тогда один, матушка ко мне
присоединилась через два с половиной года, почему
так — это отдельная история. За полночь падал и про-
валивался в сон.

Просыпаюсь в пять утра от стука в окно. Думаю: за-
таюсь! За окном — голос нашего пастуха (а он заходил
редко и только с одной целью — похмелиться): «Ле-
ша...» — «...» (Я молчу.) — «Николаич...» — «...» — «Алек-
сей Николаич...» — «...» — «Батюшка!» — «...» — «Отче
наш!!!!!»

Ну, тут я уже не выдерживаю, встаю и, стараясь сдерживать смех, иду открывать.

Приход наш маленький. Думаю, это особенность всех деревенских приходов, где деревни продолжают пустеть; на юге России деревни есть в сотни дворов, там ситуация другая. Маленький, но дружный: радости и скорби — общие. Хотя маленький — относительно приходов больших городов. А для деревни неплохо, 20 причастников — это как правило. А бывает и за 30. На вечернем богослужении — человек десять, редко больше. Кто любит тишину в храме, молитву — имейте это в виду! Дети — нечастые и немногочисленные наши гости, постоянно приходят 5–6 чад, им мы всегда рады. Детский говорок на литургии ласкает слух. Трудно даются первые годы служения, когда в храме сначала один-два человека, через год — три-четыре, укрепление идет потихоньку.

Важная особенность деревенского прихода — постоянство, неизменяемость, думаю, можно так сказать. В этой ситуации есть некая неизбежность, обреченность. Наверное, это особенность деревенского крестоношения — и для пастыря, и для паствы. Без любви тут никак. Священник вчера, сегодня и завтра один и тот же, и прихожане — те же. И так год за годом. Новое лицо, не случайное (приехал кто-то могилку убрать, заглянул в храм), из местных, — приятная, радостная редкость. Горожанин может выбирать: здесь душно (или: тесно, скучно, от священника луком пахнет и т. п.), пойду в другой храм. Священник в городе тоже не всех своих чад постоянно и сразу видит: сегодня один пришел, завтра другой, послезавтра третий. Новые лица опять же всегда есть.

Наш деревенский Свято-Троицкий храм стоит на Озерецком погосте. Могилки тех, кто жил здесь

прежде, а может быть, и тех, кто его строил и в нем служил, и тех, кто просто приходил помолиться в праздник, крестился здесь, венчался, подступили почти вплотную к старым церковным стенам. Может быть, похоронены здесь и те, чьими руками сложена из больших валунов кладбищенская ограда, которая, как, впрочем, и сам храм, сильно пострадала от времени. За храмом — неглубокая, извилистая, с каменистыми перекатами речка Добша. Там можно поймать форель, а если повезет — увидеть, как ловит ее осторожная выдра.

Нынешняя весна очень необычная, порывистая какая-то, а на 9 Мая, в День Победы, нашу округу за ночь укутало толстое снежное покрывало, сквозь которое все же пробивалась первая травка и зеленая молодая листва берез и черемухи. Такое бывает не каждый год, но наш храм не удивился, он видел многое — в 2012 году ему исполнилось 250 лет. Видел он и как плыли по Добше выброшенные из него, поруганные иконы. Помнит он и как заколачивали двери, и как уводили последнего священника, и как молодой тракторист выцарапал на его стене: «Коля + Маша = любовь».

Известно, что построил наш храм помещик Петр Афанасьевич Кармолин на свои собственные средства. В храме было три престола. Главный, летний, неотапливаемый — во имя Святой Троицы, и два зимних, теплых — святителя Николая Чудотворца, архиепископа Мир Ликийских, и великомученика Димитрия Солунского Мироточивого. Над зимними приделами возвышалась величественная колокольня, которая, по словам старожилов, была выше самого храма, высота которого сейчас более 20 метров. Ни зимних приделов, ни колокольни и колоколов,

ни алтаря летнего храма время не пощадило — ничего этого нет. Не удалось найти ни рисунков, ни фотографий. От величественного даже по городским меркам храмового здания остался только квадратный в плане четверик (трапеза) летнего храма с огромными проломами в восточной и западной стенах, с провалившимися верхними углами. Свод храма обвалился.

В сентябре 2013 года, после десяти лет восстановительных работ, богослужения в нашем храме, прекратившиеся (да-да, правильно догадались) в 1937 году, возобновились. После 70 с лишком лет вновь под восстановленным сводом зазвучал начальный возглас священника, и вторил этому возгласу церковный хор. Наш хор! Радовались люди, стар и мал, радовались гости и помощники, радовались живые и усопшие, радовался Ангел нашего храма!

До этого дня все эти годы мы служили во временном храме, оборудованном своими руками в пустующей сельской больнице. Ах, какая была больница! С родильным отделением и рентгеновским кабинетом! С аптекой! Ах, какой был в Озерце совхоз — миллионер! Было — прошло. Но люди-то остались! Мы живы, мы хотим и можем жить, мы верим, любим, надеемся. Самому младшему нашему прихожанину полтора годика, а самому старшему — 92, правда, года берут свое... Мы живем не воспоминаниями, а днем сегодняшним. А сегодня у нас есть не так уж мало: администрация, школа, почта, магазин, медпункт, дом культуры, библиотека. Есть еще у народа и коровы, и поросята, и овечки, и куры с петухами, и прочая живность. У нас есть земля! И огород мы сажаем! И сено косим! И в возрожденном храме уже семь младенцев приняли святое Крещение. А через год после первой службы чудо у нас было — первое венчание

совершили, венчались наши прихожане. Первую приходскую свадьбу, как положено — с баяном, гуляли всем селом.

На сегодняшний день нам удалось возвести «с нуля» стены алтаря, подвести их под крышу, сделать пол, потолок, внутреннюю отделку алтаря и оборудовать его всем необходимым. Теперь служим с настоящим алтарем, просторным и светлым, как и сам храм. Работы хватит минимум еще на десять жизней.

Зимой погост укутан снегом немислимой белизны. На кустах сирени сидят, поскрипывая, важные розовогрудые снегири в черных шапочках, а в отдалении внимательный глаз заметит цепочку лисьих следов. Весной в пойме Добши, в пьянящем буйстве черемухи правят всенощное бдение соловьи. Летом в пение церковного хора через приоткрытое окно храма вплетается задорное воробьиное чириканье, а по мраморным плитам пола проплывает тень пролетающего мимо аиста. Ну а если вы приедете (такое уже случилось — будем очень рады!) к нам осенью, вас встретят у входа огненные бархатцы и сгибающиеся под собственной тяжестью красавцы георгины.

Наш храм всегда красив. Ранним утром лучи восходящего солнца делают его золотым, а тихой деревенской ночью над ним плывет загадочный и величественный Млечный Путь, как бы делящий надвое глубокое черное небо, полное мохнатых звезд...

Стелется утренний туман над Добшей... Пока еще поют петухи, пока мычат коровы и тарахтит за околицей трактор, пока еще есть кому слушать соловьев, заливающихся в черемуховой пене, и бегать босиком по нагретому солнышком мелководью, разгоняя шустрых мальков, я говорю: живи, русская деревня, я не хочу, чтобы ты умирала!